

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается поэтический феномен Николая Заболоцкого в русской литературной традиции. Автор исследует творчество Заболоцкого в контексте не только литературных, но и мировоззренческих исканий эпохи. Несмотря на парадоксальность места, занимаемого фигурой поэта в русской словесности XX в., для него в целом характерна высокая степень открытости по отношению ко всей культуре, куда вписываются традиции как прошлого, так и современности.

Ключевые слова: *Заболоцкий, литературная традиция, «русский космизм», натурфилософская концепция, Соловьев, искусство.*

Поэтическое наследие Николая Заболоцкого является одним из самых загадочных и вместе с тем малоизученных феноменов в истории русской литературы прошлого века. Культурная ситуация эпохи, отмеченная формированием большого количества школ и направлений и довольно сложным переплетением различных художественных систем, делала практически невозможным определение места поэта в русской словесности XX столетия.

В сознании читателя Заболоцкий занимает сегодня прочное место, однако в связи с несколькими различными поэтическими традициями данное обстоятельство, с одной стороны, диктует определенные стереотипы читательской интерпретации, а с другой – дает основание говорить о некоей «пограничной поэтике», перманентном культурном диалоге текстов Заболоцкого.

Согласно мнению литературоведов, для Заболоцкого характерна высокая степень открытости по отношению к культуре, куда вписываются традиции как прошлого, так и современности. Как ни парадоксально, но для большей части любителей поэзии в России Заболоцкий продолжает оставаться в ряду поэтов, связанных с официальной советской линией (Твардовский, Прокофьев, Исаковский). В этом качестве он известен, прежде всего, как автор «Ходоков», «Прощания», «Горийской симфонии», известного перевода «Слова о полку Игореве», патриотически-агитационных лозунгов, как поэт-дидактик, провозгласивший «Не позволяй душе лениться!» Впрочем, как отмечает И. Е. Лощилов, «стихотворения типа “Смерти врача”, “Некрасивой девочки” или “Железной старухи” крепко вписаны в еще одну парадигму читательского сознания, восходящую к сентиментальным примитивам

Эдуарда Асадова с их эстетическим убожеством и родственной связью со стихией низового городского фольклора, жестокого романса и уличной песни. В этом качестве некоторые поздние стихотворения Заболоцкого способны бытовать, например, на страницах девичьего песенника» [4. С. 5].

В ранних стихах поэта звучат есенинские ноты, смешиваются воспоминания и переживания деревенского юноши, органически связанного с крестьянским трудом и родной природой, впечатления ученической жизни и пестрые книжные влияния, в том числе господствующей предреволюционной поэзии – символизма, акмеизма: в то время Заболоцкий выделял для себя творчество Ахматовой и Блока, подражая последнему в поисках собственных поэтических интонаций.

Вместе с тем, Заболоцкий находится и в рамках классической традиции «Державин – Баратынский – Тютчев – Фет», выступая как «поэт мысли, поэт напряженных раздумий и классической завершенности стиха» [3. С. 5].

Натурфилософская лирика Заболоцкого позволяет нам провести параллели между его поэзией и философскими взглядами К. Циолковского и Н. Федорова, Ф. Энгельса и Г. Сковороды. В основе натурфилософской концепции Заболоцкого – представление о мироздании как единой системе, объединяющей живые и неживые формы материи, находящиеся в отношениях непрерывного взаимодействия и взаимопревращения. Развитие этого сложного организма природы происходит от первобытного хаоса к гармонической упорядоченности всех ее элементов. В связи с рассматриваемыми воззрениями Николая Заболоцкого очевидно такое соположение и взаимодействие бинарных элементов бытия, которое говорит о поисках

единого начала всего сущего, о своеобразном авторском монизме: «Всеобъемлющая материя в различных формах ее существования, повторение великого в малом и малого в великом не допускают противопоставления таких понятий, как макрокосм и микрокосм, Земля и Вселенная, живое и мертвое, человек и окружающая среда» [2. С. 47]. Такая позиция поэта хоть и позволяет исследователям сопоставлять его философию природы с традицией Тютчева и Баратынского, но указывает и на существенное с ними расхождение. Если классическая русская лирика XIX в. проводила четкое разграничение между человеческим и природным мирами, и «неразличение этих двух миров выглядело бы там странным дикарством» [6. С. 633], то у Заболоцкого природа во всех своих представителях, от деревьев, рек и животных до мельчайших частиц, насыщена существами и проникнута разумом, пусть и «темным» по сравнению со «светлым» разумом человека.

Поэзия Заболоцкого определенным образом сопрягается и с философией «русского космизма», в основу которого положено представление о космосе и о человеке как «гражданине Мира», а также о микрокосмосе, подобном макрокосмосу. Идея человека-творца и творящего разума в поэзии Н. Заболоцкого восходит к отдельным философским воззрениям П. Флоренского и Вл. Соловьева, в частности, в его творчестве можно обнаружить следы соловьевской идеи христианского космоса и противоречия между безусловным и условным, абсолютным и преходящим, истинным и мнимым: «Человек совмещает в себе всевозможные противоположности, которые сводятся к одной великой противоположности между безусловным и условным, между абсолютной и вечной сущностью и преходящим явлением, или видимостью. Человек есть вместе и божество, и ничтожество» [9. С. 112].

Некоторые взгляды поэта в целом сопрягаются и следуют из положения вещей в русской философии и литературе конца XIX – первой четверти XX в., обусловленного технократизацией и разрушением нравственно-религиозных основ общества, когда идея антропоцентризма почти полностью вытесняет другую – биоцентризма, то есть идею единства человека и природы. Основную роль здесь играет присущее природе сознание, но при этом именно человек призван взять на себя заботу о преобразовании природы, ибо эта несовершенная и страдающая «вековечная давилъня» заключает в себе иде-

альный мир прекрасного будущего, отражая те мудрые законы, которыми следует руководствоваться человеку. Так, в поэме «Торжество земледелия» Николай Заболоцкий утверждает, что миссия разума начинается с социального совершенствования человеческого общества и лишь потом социальная справедливость распространяется на отношения человека к животным и всей природе в целом. Природа как будто сама стремится к человеку, а тот, ее разум, авангард эволюции, выражает это стремление и осуществляет его. В подобных взглядах поэта претворились «манифестированные» слова Хлебникова: «Я вижу конские свободы и равноправие коров» [11. С. 17]. Заболоцкий буквально доводит эту поэтическую метафору до настоящего (пусть и утопического) учения в поэмах «Торжество земледелия», «Безумный волк», «Лодейников».

Время и социально-исторические обстоятельства действия поэмы Н. Заболоцкого «Торжество земледелия» – коллективизация. Социальное переустройство здесь рассматривается поэтом как начало кардинального преобразования мира. «Пролог» к поэме открывается зрелищем расхристанной, поруганной, беспризорной природы: «Тут природа вся валялась / В страшно-диком беспорядке: / Кой-где дерево шаталось, / Там реки струилась прядка» [3. С. 117].

Подобный, беспорядочно-безумный, облик мира, естественно, представляет собой не реалистическое его отражение, но тот идейный образ, который соответствует представлению об энтропии и смерти, царящем в этом мире. Так, явленная наличная, природная данность – своеобразный философский аргумент поэта, приводящий к дальнейшим выводам о необходимости нового в ней порядка. Природа как будто сама стремится к нему, а человек выражает это стремление и осуществляет его.

Такому взгляду на природу Заболоцкий остался, по существу, верен на протяжении всего своего творчества, изменилась лишь художественная форма выражения. В ранний период она резка, эксцентрична, в поздний – спокойнее, классически уравновешеннее. В «Торжестве земледелия» мир не просто перестраивается, а радикально преобразуется, начинается настоящая онтологическая революция, призванная установить «новое небо» и «новую землю».

В художественной литературе в 1920–30-е гг. философия «космистов» породила обширней-

шее направление – произведения о преображении природы руками человека, о так называемой «второй природе». Это нашло отражение в пролетарской поэзии и поэзии футуристов, в «производственной» и «деревенской» прозе, в художественной фантастике и др. Произведения данной идейной направленности утверждали в сознании массового читателя не только новые научные и философские идеи, но и представления о прекрасном, гармонии (они ориентированы не на «живое», а на «мертвое», на «язык» математики, техники), о роли и формах пейзажа в художественном произведении. При разных жанрово-стилевых ориентациях авторы тяготели к единому принципу изображения «второй» природы: отстраненность от реальной картины, идеализирующая типизация, символизация изображения, метафоричность стиля. Впрочем, однозначно говорить о мотиве трансформации «первой» природы во «вторую» в творчестве Заболоцкого не приходится, его поэтические эксперименты были куда более глубинны, поскольку касались преимущественно не всеобщего, а конкретного, не мира в целом, а отдельных его элементов.

Что касается нравственных исканий Заболоцкого, то здесь его имя вполне может быть названо, прежде всего, рядом с именами прозаиков К. Паустовского и М. Пришвина, явившими в художественной практике в рамках лирико-философской, ритмической, импрессионистической прозы то особое планетарное мироощущение, которое и можно назвать «русским космизмом», впоследствии повлиявшим на творчество многих писателей второй половины XX в., обратившихся к теме природы и деревни. Очевидно, что данное философское направление сыграло роль связующего звена между веками в осмыслении и художественной интерпретации отношений природы и человека. Природа виделась писателям первичной по отношению к человеку, влияющей на его жизнь, формирующей нравственные и эстетические представления как отдельного человека, так и целого народа. В литературе ставилась задача изучения и защиты природы, воссоздания в художественных опытах всей полноты ее реальной жизни, изображения ее как самостоятельного объекта изучения. К этим художникам следует отнести часть крестьянских писателей 1920-х гг., часть писателей старшего поколения, верных традициям литературы XIX в., Вяч. Шишкова, М. Шолохова и др. К ним присоединялись на-

деленные даром предвидения писатели, ранее увлеченные антропоцентризмом, например, А. Платонов. В 1930-е гг. он пишет о богатстве и красоте природы, о необходимости облагораживания ею человечества, в человеке же видит не базисную, но надстроечную силу.

Однако именно первичность природы по отношению к человеку выразилась в том, что в своей поэзии Заболоцкий более гуманен и чуток к природе, нежели к людям, и последние у него предстают преимущественно в лице отдельных, не всегда лицеприятных персонажей, что находит подтверждение, среди прочего, в собственных словах поэта. «Искусство похоже на монастырь, где людей любят абстрактно, – отмечал Заболоцкий в одном из писем. – Ну, и люди относятся к монахам так же. И несмотря на это монахи остаются монахами, то есть праведниками. Стоит Симеон Столпник на своем столбе, а люди ходят и видом его самих себя – бедных, бедных, жизнью истерзанных – утешают. Искусство – не жизнь. Мир особый. У него свои законы, и не надо их бранить за то, что они не помогают нам варить суп...» [10. С. 12].

Оценка творчества Заболоцкого современниками никогда не отличалась однозначностью, широко распространены были высказывания разного ранга читателей и критиков о чуждости поэта эпохе, о вредном влиянии, якобы оказываемом его творчеством на литературную молодежь. Среди писателей-современников наиболее тонко оценили «Столбцы» М. Зенкевич и М. Зощенко.

Еще при жизни поэта сформировалось мнение о существовании двух или нескольких Заболоцких. Во всяком случае, критики отчетливо разделяли поэзию Заболоцкого на ранний и поздний периоды, соответственно важнейшим этапам его биографии. [5 ; 7 ; 10].

Ко всему прочему, в кругах литераторов и литературоведов сложилась своя традиция, направленная к постижению личностного и поэтического феномена Николая Заболоцкого через грани парадоксов и несхождений. Еще в 1929 г., когда Заболоцкий «только начинался», Лидия Яковлевна Гинзбург на основе собственных впечатлений от личного общения с поэтом писала: «Какая сила подлинно поэтического безумия в этом человеке, как будто умышленно розовом, белокуром и почти естественно чистеньком. У него гладкое, немного туповатое лицо, на котором обращают внимание только неожиданно круглые очки и светлые, несколько странные глаза: странные,

вероятно, потому, что они почти лишены рещиц и почти лишены выражения» [1. С. 81].

Парадоксальность места, занимаемого фигурой Николая Заболоцкого в русской словесности XX в., состоит в том, что имя поэта, похоже, с годами только набирает вес в литературном сознании, этот поэтический пласт постепенно переходит из разряда массового, доступного, демократического круга чтения к предмету профессионального интереса утонченных знатоков и ценителей русского слова. Вместе с тем оно в основном продолжает оставаться в тени имен старших современников – А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака. Продолжает имя Заболоцкого оставаться на периферии исследовательского интереса и в сравнении с именами его «товарищей» по ОБЭРИУ – Д. Хармса и А. Введенского. Несмотря на то, что слово Заболоцкого проявляло и продолжает проявлять высокую степень валентности, своего рода «отзывчивости» по отношению к разным типам читателя, поэзия его так и остается «непрочитанной» в своем существе.

Список литературы

1. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. 608 с.
2. Заболоцкий, Н. Взаимоотношения человека и природы в поэзии Н. А. Заболоцкого // *Вопр. литературы*. 1984. № 2. С. 34-57.
3. Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1983. Т. 1. 655 с.
4. Лоцилов, И. Е. Феномен Николая Заболоцкого. Helsinki, 1997. 311 с.
5. Македонов, А. В. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1987. 365 с.
6. Н. А. Заболоцкий: pro et contra: личность и творчество Н. А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей : антология. СПб., 2010. 1063 с.
7. Ростовцева, И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. 304 с.
8. Севастьянова, В. С. Модель мира в русской литературе 1900–1920-х гг. (В. Брюсов, Е. Замятин) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2012. № 1. С. 281–289.
9. Соловьев, В. Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. 528 с.
10. Турков, А. М. Николай Заболоцкий. М., 1994. 144 с.
11. Хлебников, В. Ладомир : поэмы. М., 1985. 100 с.